

В.С. Гроссман

Черная книга

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г88

Г88 **Гроссман В.С.**
Черная книга / В.С. Гроссман – М.: Книга по Требованию, 2021. – 113 с.

ISBN 978-5-458-04349-6

ISBN 978-5-458-04349-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В.С. Гроссман, 2021

В. Гроссман, И. Эренбург
Черная книга

Рассказ инженера Ю. Фарбера

Я по профессии инженер-электрик. До войны я жил в Москве, работал в научно-исследовательском институте связи и заканчивал аспирантуру по специальности.

С первых дней войны я находился в рядах Красной Армии.

Осенью 1941 года я попал в окружение, и после блуждания по лесам и попытки выбраться к своим был захвачен немцами.

Один из немцев, посмотрев на меня, сказал:

"Этому в плену мучиться не придется – он еврей и сегодняшнего заката уже не увидит".

Я все понял, так как владею немецким языком, но не подал и виду.

Единственное, что я сделал – это уничтожил все бумаги и документы, имеющие ко мне отношение. В это время по дороге проходило большое количество пленных. Меня поставили в ряды, и повели по дороге под конвоем... По пути нас остановил эсэсовский патруль и, не объясняя причин, стали выводить из рядов отдельных пленных. Если у человека был длинный, горбатый нос, они его выводили, или расстегивали рубашку на груди, если на груди была растительность, то его тоже выводили, но меня они не тронули. Надо сказать, что когда я без очков, то у меня не очень такой бросающийся в глаза характерный вид и произношение у меня достаточно чистое русское...

Нас, большую группу пленных, повели на пригорок окруженный колючей проволокой. Мы лежали на площадке под открытым небом; по сторонам стояли пулеметы. Через три дня нас заперли в товарные вагоны и повезли; не давали ни еды, ни воды, не открывали дверей. На шестые сутки нас привезли в Вильнюс. В вагонах осталось очень много трупов. Восемь тысяч пленных поместили в лагерь, в Ново-Вилейку, около Вильнюса. Люди жили в бывших конюшнях без окон и дверей, стены были в огромных щелях. Начиналась зима.

Пищевой рацион был таков – килограмм хлеба на 7 человек, но часто хлеба не давали. Немцы привозили смерзшуюся глыбу картофеля с грязью, льдом, шелухой, соломой. Ее бросали в котел, разваривали до состояния крахмала; пленный получал пол-литра баланды.

Каждое утро из всех барачков вытаскивали мертвецов. К яме волокли трупы, их слегка присыпали хлорной известью, но не закапывали, ибо на другой день в эту же яму сбрасывали новую партию трупов. Бывали дни, когда число трупов превышало полтораста, нередко вместе с трупами в яму бросали и живых людей.

Немцы называли нас подонками человечества – "унтерменш". Однажды за какую-то ничтожную провинность немцы приказали двум пленным лечь живыми в лужу, которая уже покрылась тонким льдом.

Их оставили на ночь, а они ведь лежали голые, и они замерзли.

У меня в памяти остались две даты – ночь с 5 на 6 декабря 1941 года и ночь с 6 на 7. У меня был товарищ, молодой парень, 20 лет, украинец – Павел Кирполянский. В нашем бараке было холодно и чтобы согреться, мы ложились на одну шинель, а сверху покрывались другой, и спали в обнимку. Мы были усеяны паразитами. Сыпной тиф косил людей. В эту ночь мы лежали обнявшись с Павлом. Внезапно я был разбужен, чувствую, что он порывается бежать. Я положил ему руку на лоб и сразу понял, в чем дело. Павел горел в жару, в бреду он меня не узнавал. Оставлять его без шинели нельзя было, я его обхватил и держал крепко

в своих объятиях до утра-. Утром он умер, его поволокли в яму- Однако я не заболел тифом.

В ночь с 6 на 7 декабря, с двух сторон, возле меня лежали мои товарищи, украинские парни. Мы обнялись, мне было тепло, и я крепко спал. На рассвете раздается свисток, я стал толкать своего соседа Андрея. Он не отзывался, он был мертв. Я стал будить второго соседа – Михайличенко. Он тоже был мертв. Ока-зывается, эту ночь я спал рядом с мертвецами.

Мысль о том, что я останусь жив и буду в Москве, меня никогда не покидала.

Я заставлял себя умываться и даже бриться. В бараке был парикмахер. Он изредка брил военнопленных и в качестве платы брал одну картошку. В этот день, 7 декабря, меня ожидала большая удача: мне попала в баланде целая картошка. Я решил побриться. Когда я протянул парикмахеру картошку, вылов-ленную из супа, он посмотрел на меня и сказал: "Не надо-." Я спросил: "Почему?" Он ответил: "Ты все равно на этой неделе помрешь, кушай сам".

Прошла неделя, я снова пришел бриться. Парикмахер был поражен, увидев меня:

"Как, ты еще жив? Ну ладно, я тебя еще раз побрею бесплатно, все равно ты скоро помрешь".

Когда, однако, я пришел и в третий раз, то парикмахер сказал:

"Я тебя буду брить бесплатно, пока ты не умрешь".

В это время не было ни номеров, ни регистрации. Евреев специально не вы-искивали. Но достаточно было кому-нибудь указать пальцем на любого человека и сказать либо "юде", либо "жид" и человека немедленно расстреливали. Никаких доказательств не было.

К новому году я уже не мог ходить – у меня был голодный отек Пальцы на ногах сначала почернели, потом мясо отваливалось и были видны кости на пальцах.

Выделенный из пленных переводчик, ленинградский студент Игорь Деме-нев, – впоследствии он с товарищами убил немецких охранников и бежал, – помог мне попасть в лазарет при лагере. Среди нескольких деревянных барак-ов, в разрушенном кирпичном домишке переводчик и несколько врачей-военноплен-ных организовали инфекционный лазарет. Ко мне врачи отнеслись хорошо.

Заместителем главного врача был доктор Евгений Михайлович Гутнер из Сталинграда. Он отнесся ко мне с братским сочувствием и заботой. К маю меся-цу я начал ходить, в июне мог подниматься на второй этаж. Лазарет был един-ственным местом в лагере, куда немцы не заглядывали, так как боялись тифа и туберкулеза. Меня не выгнали из лазарета, а сделали уборщиком. Смертность была огромная.

В этом лазарете я прожил до конца 1943 года. Количество военнопленных все уменьшалось. Из привезенных восьми тысяч осталась в живых небольшая гор-сточка.

Немцы использовали пленных на работах за пределами лагеря. Жители подкармливали военнопленных.

Военный врач Сергей Федорович Мартышев шел на величайший риск, чтобы спасти возможно большее количество людей. Под разными вымышленными предлогами он задерживал людей в лазарете, оказывал им всяческую поддержку.

Когда мы узнали о Сталинграде, это произвело огромный поворот в настро-

ении военнопленных и гражданского населения, все поняли, что война немцами проиграна.

Отрезанный от всего мира, наш маленький коллектив тоже включился в борьбу против немецких захватчиков.

Для немцев писали листовки, некоторые на немецком языке писал и я. В одной листовке я писал: "Господь бог дал немцам три качества – ум, порядочность и нацизм, но никто не обладает больше, чем двумя достоинствами. Если немец умный и нацист, то он непорядочный, но если он умный и порядочный, то он не нацист".

В другой листовке было написано просто: "Гитлеру капут".

Охранники были рослые, широкоплечие, упитанные. Машина с новой охраной въехала в лагерь. Колючая проволока образовывала две стены, и как мы потом узнали, в проходе были мины.

В проволоке был еще один небольшой узкий проход. Этим проходом нас подвели к краю огромной ямы. Это был котлован для нефтехранилища; диаметр составлял 24 метра. В глубину яма имела 4 метра. Стены ее были зацементированы. Две трети ямы было укрыто бревнами, а одна треть открыта. На дне ямы я увидел женщину и понял, что там живут люди. Наверху лежали две лестницы. Одна лестница считалась "чистой", ею пользовались только немцы. Нас спустили вниз по "нечистой" лестнице, охрана осталась наверху. Откуда-то вызвали старшего рабочего, это был еврей по имени Абрам Гамбург, из Вильнюса. Немцы его звали Франц. Вызвали еще одного рабочего по имени Мотл, которого немцы звали Макс. Он был в кандалах, ему приказали и нас заковать.

Это были цепи из звеньев, толщиной немного меньше пальца. Их накладывали на ногу, ниже колена, примерно там, где оканчиваются сапоги. Цепь свисала до земли; чтобы она не мешала ходьбе, половину цепи разрешили веревкой подвязывать к поясу.

Когда все прибывшие были закованы в цепи, появился начальник, штурмфюрер.

Это был утонченный садист, ему было лет 30. Он был щегольски одет, на нем были белые замшевые перчатки до локтя. Сапоги блестели, как зеркало. От него очень сильно пахло духами. Он держал себя очень высокомерно не только с нами, но и немцев охранников держал в неимоверном страхе.

Нас выстроили, он спросил каждого – откуда он. Мы с Костей Потаниным сказали, что мы не понимаем его (я все время скрывал знание немецкого языка). Старший рабочий Франц переводил. Штурмфюрер говорил по-еврейски и по-польски, кое-как он объяснялся по-русски.

Когда дошла очередь до меня и он спросил: "Откуда ты?", я ответил, что из Москвы.

Штурмфюрер насмешливо сказал: "Люксус город Москва" и посмотрел на меня в упор. Я ответил: "А что, не любишь Москву?" Переводчик Франц затрясся, он перевел мои слова в очень смягченном виде. Штурмфюрер замахнулся, но не тронул меня.

Он сказал, что мы будем работать на важной работе государственного значения "Не пытайтесь снять кандалы, потому что их будут проверять несколько раз в сутки, при малейшей попытке бежать вы будете расстреляны. Не думайте бежать, потому что из Понар никто не уходил и никто никогда не уйдет". Потом

началось перечисление: за малейшую попытку к бегству – расстрел. Во всем мы должны слушать команду начальников, за малейшее нарушение – расстрел. Мы должны выполнять правила внутреннего распорядка – иначе расстрел. Должны прилежно работать, кто будет обвинен в лени – расстрел. Он говорил очень долго, и мне стало ясно: умереть здесь нетрудно. После этой назидательной речи он ушел. Мы стояли на дне ямы, там была одна женщина и из глубины ямы вышла вторая. Мы стали с ними беседовать.

Мы фазу задали им вопрос – будут ли нас кормить. Они ответили: "Об этом вы не беспокойтесь, кормить вас будут, но выйти живыми вам не удастся".

Мы зашли под навес; там был деревянный загон, который назывался бункером, и маленькая кухня. Женщины сказали, что здесь живут евреи из Вильнюса и окрестных сел. Они скрывались вне гетто, но их нашли, посадили в тюрьму, а потом привезли сюда. Канторович, о котором я уже упоминал (он был виленец), перекинулся несколькими фразами с женщинами. Они стали откровеннее и сказали, что это Понары, где расстреляны не только виленские евреи, но и евреи из Чехословакии и Франции. Наша работа будет состоять в том, чтобы сжигать трупы. Это держится в величайшем секрете. Немцы думают, что женщины ничего не знают, и мы тоже не должны проговориться. При немцах надо говорить, что мы занимаемся заготовкой леса. Не успели мы все это услышать, как раздался свисток, и мы должны были подняться вверх по лестнице. Нас построили попарно и повели.

Первое, что нас ошеломило – это запах.

Надзиратель СД сказал:

– Возьмите лопаты, отбросьте песок и если увидите кости, то выбрасывайте наверх.

Я взял лопату, опустил в песок она сразу наткнулась на что-то твердое. Я отгреб песок и увидел труп. Надзиратель сказал:

"Ничего, так надо".

То была колоссальная яма, которую начали заполнять еще с 1941 года. Людей не закапывали и даже хлорной известью не заливали, это был конвейер, действовавший непрерывно. Трупы падали в беспорядке, в разных позах и положениях. Люди, убитые в 1941 году, были в верхней одежде. В 1942 и 1943 гг. была организована так называемая зимняя помощь, – кампания "добровольного" пожертвования теплой одежды для немецкой армии. Пригоняемых на расстрел немцы заставляли раздеваться до белья, а одежда шла в фонд "добровольных" пожертвований для немецкой армии.

Техника сожжения была такая: на краю ямы из сосновых бревен строился очаг, 7х7 метров, помост, один ряд стволов, поперек стволы, а в середине труба из сосновых стволов. Первая операция состояла в том, чтобы разгребать песок пока обнаруживалась "фигура", (немцы велели так называть трупы).

Вторую операцию осуществлял "крючок", так назывался рабочий, который извлекал тела из ямы железным крючком. Тела лежали плотно. Два "крючка", обычно это были самые сильные люди из рабочей команды, забрасывали крюки и вытаскивали труп. В большинстве случаев тела разваливались на части.

Третью операцию делали носильщики – трегеры. Надо было положить на носилки труп, причем немцы контролировали, чтобы на носилках была действительно целая фигура, т.е. две ноги, две руки, голова и туловище.

Немцы вели строгий учет того, сколько тел извлечено. У нас было задание сжигать 800 трупов в сутки; мы работали от темноты до темноты. Трегеры относили тела к деревянному очагу. Там "фигуры" укладывались рядами, одна к другой. Когда был уложен один слой, наверх клали еловые ветки; специальный рабочий – офенмайстер следил за топливом и обеспечивал костры сухими бревнами.

Когда бревна и ветви были уложены, все это поливалось горячим черным маслом, -тогда укладывался второй слой, за ним третий и т.д. Таким образом эта пирамида достигала четырех метров, а иногда и больше. Пирамида считалась готовой, когда в ней было три с половиной тысячи трупов. Ее обильно поливали горячим маслом не только сверху, но и с боков, обкладывали по бокам специальными сухими бревнами, обливали бензином в достаточном количестве, закладывали одну или две термитных бомбы, и вся пирамида поджигалась. Немцы каждое такое сожжение обставляли очень торжественно.

Пирамида обычно горела трое суток. У нее было характерное невысокое пламя; густой, черный, тяжелый дым как бы нехотя поднимался наверх. Он содержал большие хлопья черной сажи.

Возле костра стоял фэйермайстер с лопатой, он должен был следить, чтобы огонь не потухал.

Через трое суток оставалась груда пепла с частицами неперегоревших костей.

Глубокие старики и физически немощные люди работали на трамбовке. На огромный железный лист лопатами сваливали перегоревшие кости, их дробили трамбовками, чтобы не сохранилось ни одного кусочка кости.

Следующая операция заключалась в том, чтобы размолотые кости просеивать лопатой через мелкую металлическую сетку. Эта операция имела двойкий смысл. Если на сетке ничего не оставалось, значит их хорошо раздробили, а, во-вторых, при этом обнаруживались металлические несгоревшие ценные вещи, золотые монеты и т.д.

Следует упомянуть еще об одной операции. Когда из ямы выносили труп, то специальный человек вставлял металлический крючок трупу в рот и если обнаруживал коронки, или золотые мосты, то вырывал их и складывал в специальную коробку."

Были ямы, в которых находилось по 20 тысяч трупов. Смерд буквально выворачивал наружу нутро, доводил до головокружения.

Темпы работы были такие, что нельзя было остановиться ни на секунду.

Охрана состояла из 60 эсэсовцев. Это были откормленные волкодавы, они отвечали за то, чтобы мы не сбежали. Они стояли цепью вокруг ямы и каждые 15 минут переходили с места на место. У них всего было в изобилии: мясо, вино, шоколад. Но за пределы Понар им нельзя было выходить. Они или отбывали вахту, или находились в своем помещении.

Страшней даже эсэсовцев были чины СД – эти беспокоились о выработке и порядке. Они стояли с дубинками и часто пускали их в ход. Мы были постоянно под их надзором. Лексикон их был очень прост: или они кричали по-немецки "ран, ран, ран", что означает -"беги", "кагись", "быстро", или по-польски "прендзей" – "скоро". Употребляли они и русские матерные ругательства. Они стояли так, что все участки ямы им были видны. Дубинки они пускали в ход часто, по любому поводу. Эсэсовцы кричали, когда мы носили тела:

"Неси, неси, скоро и тебя так понесут".

В первый день появился штурмфюрер, осмотрел яму и закричал: "А почему этот из Москвы работает лопатой, почему он не может носить?" Сейчас же ко мне подбежали СД и велели взять носилки.

Мы взяли тело, положили его на носилки. Было очень тяжело, колена подгибались. Вдруг штурмфюрер закричал изо всех сил: "По одной фигуре он будет в Москве носить, пусть несет две". Пришлось взять второе тело. На мое счастье у меня был физически сильный напарник Понесли два трупа. Штурмфюрер вновь закричал: "У них очень легкие носилки. Пусть берут третью фигуру".

Когда кончался рабочий день, нас пересчитывали, проверяли у всех цепи и приказывали спуститься вниз, в бункер. Когда все спускались, лестницу забирали наверх. [Когда нас привезли, пришлось строить второй бункер.]

На темноту нельзя было пожаловаться, в яме было электрическое освещение.

Когда мы приходили с работы, нас ожидали тазы с марганцовкой; мы тщательно мыли ею руки.

Всех нас было 80 человек: 76 мужчин и 4 женщины. Мужчины были в кандалах. Женщины не носили кандалов. На их обязанности лежало – убрать помещение, заготовить воду, дрова, готовить пищу. Самой старшей из женщин – Басе – было 30 лет. Это была опытная женщина, она пользовалась большим влиянием, потому что безраздельно владела старшим рабочим-Францем. Остальные были очень молодые девушки- 18-19-20 лет. Одна из них – Сусанна Беккер – дочь знаменитых виленских богачей. Характерно, что даже там, в Понарах, некоторые старики снимали перед ней шапки и говорили: "Это дочь Беккера, сколько у него было каменных домов!"

Третью девушку звали Геней, она была дочерью виленского ремесленника.

Четвертая девушка – Соня Шейндл. Это девушка из бедной семьи, исключительно трудолюбивая и приветливая. Она старалась облегчить наше существование всем, чем только могла. Например, в ее обязанности не входила стирка белья, но она частенько стирала нам белье.

Мужчины в большинстве были виленцы.

У нас не было ни одного виленца, который не нашел бы свою семью среди трупов.

Вторую группу рабочих, человек 15, составляли советские военнопленные.

А третья группа мужчин была из Вевиса, маленького местечка между Вильнюсом и Каунасом.

Самой многочисленной была виленская группа, в нее входили люди различных возрастов и социальных прослоек. Они знали друг друга много лет, но частенько между ними не было дружбы и единства. Люди припоминали друг другу прегрешения 10-летней давности. Из этих людей можно выделить Исаака Догима и Давида Канторовича. Догим, молодой, 1914 года рождения, энергичный виленский рабочий, печатник и электромонтер, был крайне необщительный человек

У Канторовича судьба была своеобразная. Это был подвижной, разбитной парень, 1918 года рождения. До войны он служил приказчиком в книжном магазине. Немцы убили его жену. Сам он связался с партизанами, но был пойман.

Мотл Зайдель был сын бедных родителей из Свенцяи. Его мать и отец погибли, сам он жил в гетто. Это был милостивый юноша 19 лет, он имел прекрасный

голос и любил петь. С 1941 года он непрерывно кочевал по тюрьмам, было страшно слушать про его бесконечные горестные скитания.

Мы называли его Мотл маленький, "ингелэ", в отличие от другого – Мотл "с вонсами", с усами.

Неразлучными друзьями был Лейзер Бер Овсейчик из Ошмян и Мацкин из Свенцяи. Мацкину было лет 35. Это был богатый человек, владелец магазина. Овсейчик был ремесленником.

Несмотря на социальное неравенство, этих двух людей связывала тесная дружба. Овсейчик сам не съест, а отдаст товарищу и наоборот.

Интересной личностью был Шлема Голь. Это был человек средних лет, чрезвычайно добрый, крайне слабохарактерный. Его жена – член ППР с 1933 года – подвергалась преследованиям, была в концлагере Березе Картузской. В советское время они оба были на руководящей работе в Барановичах. Он никогда не злословил по адресу своих соседей и был изумительно предан делу побега. Но об этом отдельно.

Абрам Зингер – довольно известный композитор, до войны он руководил оркестром. Это был интеллигентный, образованный человек. Он хорошо владел еврейским, русским, польским и немецким языками.

Переводчиком у штурмфюрера служил наш старший рабочий Франц, но когда штурм-фюрер произносил особенно торжественные речи – переводил Зингер. Даже в страшных условиях ямы Зингер сочинял песни. Как-то он сочинил хорошую песню на немецком языке. И мы стали ее петь в своей яме. К несчастью, песню услышал штурмфюрер, он ее записал и напечатал за своим именем, дал Зингеру за это одну сигарету и 100 граммов повидла. На Зингера это страшно подействовало, он со мной делился своими переживаниями. Он видел в этом величайшее надругательство над своей душой и говорил: "Я не для немцев пою песни".

В яме было несколько лиц духовного звания. От времени до времени они устраивали поминальные, трагические молебны, которые проходили торжественно и печально- Все умывались тщательно и готовились к этим молебнам. Овсейчик молился 2 раза в день, по 2 часа ежедневно, с большой искренностью и подъемом.

Скажу о военнопленных. Кроме меня, был Петя Зинин из Молдавии, русский, по профессии фельдшер, 1922 года рождения. После побега он был у партизан, где показал себя с самой лучшей стороны.

Мирон Кальницкий, еврей из Одессы, был полезен тем, что в свое время работал вблизи от Понар в лагере для военнопленных (не в лагере смерти), – и хорошо знал местность. Среди пленных также был Вениамин Юльевич Якобсон из Ленинграда. 54 лет, по профессии провизор. Это был чрезвычайно добродушный человек, он по-отечески заботился о заключенных. У него в кармане всегда находились какие-то мази, бинты, порошки. Он пользовался большим авторитетом. Если возникал спор, Якобсон всегда мирил спорщиков. Но он был человеком "поврежденным" и все твердил, что нас не расстреляют. "Мы не вино- ваты. За что нас будут расстреливать?"

Грозой и ужасом был штурмфюрер. Когда он появлялся на краю ямы, все понимали, что дело добром не кончится. Люди выбивались из последних сил, а штурмфюрер стоит, заложив руки за спину, смотрит, смотрит, а потом обращает-

ся к кому-нибудь (некоторым он дал презрительные клички): "Почему ты медленно ходишь, ты болен?" Человек отвечает, что он здоров, ни на что не жалуется. Но штурмфюрер не успокаивается: "Нет, ты не здоров". Был у нас один старик 65 лет, мы все звали его "фетэр" – "дядя". Штурмфюрер ему сказал: "Завтра ты пойдешь в лазарет". Все знали, что это означает расстрел. Этот вечер в бункере был мучительно тяжелый. Нам было страшно и стыдно, что старого человека уводят на смерть и мы ничем не можем помочь. "Фетэра" попробовали утешить. Он сказал: "Зачем меня утешать, я свое прожил".

Однажды мы пришли с работы, дошли до ямы, вдруг появился штурмфюрер в очень злом настроении. Задаёт вопрос: "Кто болен?" Больных, естественно, не оказалось. Штурм-фюрер выстроил всех в две шеренги и сказал: "Я сейчас найду больных". Он подходил к каждому и пристально смотрел в глаза, буквально сверлил человека глазами. "Вот ты больной, выходи", сказал он одному, затем второму

Но это ему показалось недостаточным. Он подошел к молодому здоровому парню и спросил: "Ты со слесарным делом знаком?" Тот ответил: "Знаком". Его также вывели из рядов и сняли кандалы. Всем было ясно, раз с человека сняли кандалы, значит его поведут на расстрел.

Штурмфюрер подошел к четвертому человеку и спросил: "Ты со слесарным делом знаком?" Тот ответил: "Нет, не знаком". "Ну ничего, научишься, выходи". С четвертого тоже сняли кандалы и повели наверх.

Через несколько минут мы услышали четыре выстрела. Штурмфюрер сделал выговор нашему старшему рабочему:

"Безобразие, не могли людей помыть, отправили их в лазарет, а на них вшей полно".

Прибегал штурмфюрер и к такому методу Он обходил шеренгу выстроенных людей, заглядывал в глаза и спрашивал, кому здесь не нравится работать? Все должны хором отвечать, что им очень хорошо. Штурмфюрер обращался к Зингеру:

"Ты музыкант, может быть здесь тебе неприятно работать?"

Штурмфюрер продолжал спрашивать:

"Может быть кто-нибудь из охранников груб с вами, плохо обращается?"

Мы хором должны были отвечать, что охранники относятся к нам хорошо. Затем он приказывал: "Пойте песни". После тяжелого дня мы еле держались на ногах, но должны были петь. Чаще всего он приказывал петь "Сулико", арии из оперы "Цыганский барон" и еще некоторые.

Он слушал, слушал и приказывал часовому:

"Я сейчас уйду а они пусть поют, пока я не вернусь".

Грязным надругательствам злодеев не было предела.

Во мне все протестовало, мне казалось недостойным погибнуть "бараньей" смертью. Такие настроения были не у меня одного. Мысль о побеге "витала" в воздухе.

Вскоре все это приняло реальные формы.

Мне пришлось во всем этом деле сыграть известную роль. То, что я москвич, и все сразу признали во мне человека интеллигентного, очень укрепило мой авторитет.

Меня привезли на Понары 29 января, а 1 февраля мы уже начали производить